

СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

Александр Филиппов*

Пустое и наполненное: трансформация публичного места¹

Аннотация. Статья продолжает работу «Прикладная социология пространства» и является обобщением части результатов исследования, посвященного изучению Манежной площади в Москве и расположенного под ней торгового комплекса «Охотный ряд». Основное внимание обращено на историю превращения Манежной площади в пустоеместилище, опустошение места, последовательно становящегося непригодным для любого кинестетического синтеза и публичной деятельности и коммуникации.

Ключевые слова. Социология пространства, пустота, место, мнемотоп, кинестезис, масса.

I

«Как пройти к Манежу?» — спрашивают меня молодые люди на углу Тверской, возле Государственной думы. Здание Манежа — большое, узнаваемое, классическое — хорошо видно, мне достаточно указать им на него. Но я, наученный опытом, догадываюсь, что ищут они другое. «Вам нужен Манеж или торговый комплекс?» Я почти уверен в ответе, многие путаются, называя Манежем то, что находится *под* Манежной площадью. На самом деле им действительно нужен «Охотный ряд», три этажа подземных галерей с магазинами и кафе. У него есть и надземная часть, но увидеть главный вход и крышу со световыми окнами и стеклянным куполом, символизирующим земной шар, со многих мест поблизости невозможно². Надземная постройка открывается взгляду, если встать спиной к Манежу, Кремлю, Историческому музею и Александровскому саду. «Охотный ряд» расположен в историческом центре Москвы, в его сердцевине, но все, что можно рассмотреть, не спускаясь под землю, видно при направлении взгляда из сердцевины центра вовне. Он мало заметен, когда мы направляем взгляд *извне*, с улиц Охотный ряд и большей части Моховой³ и примыкающих к ним улиц и площадей, на Кремль, Александровский сад и Манеж. Эта особая комбинация заметности и незаметности «Охотного ряда»⁴, кажется, не имеет практического значения. В конце концов, все, кто *знает*, не нуждаются в том, чтобы видеть, а те, кто не знает, легко найдет искомый объект, даже ошибаясь в названиях, как нашли его те, кто спрашивал у меня путь. Тем не менее малая заметность *ОР* имеет симптоматический характер, она позволяет судить о важных характеристиках места в центре города.

Речь идет именно о социологических характеристиках. Социологический подход к *ОР* как особому месту в пространстве предполагает внимание к социальному смыслу действий, которые локализованы в этом месте. Не только действия, но и место имеют социальный смысл, который не сводится ни к тому, что «всем известно», ни к тому, что стало результатом планирования или упущений в планировании. Место стало таким, каким его наблюдают сейчас, в результате ряда целенаправленных, интенциональных действий. Однако намерения, будь то

* Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ. al_f_filippov@mail.ru
© Филиппов А., 2009

© Центр фундаментальной социологии, 2009

¹ Статья написана по материалам исследования, проводившегося ЦФС в 2006—2008 гг. при поддержке фонда «Территория будущего». Статья публикуется в двух частях.

² Мы вкратце рассмотрели эту особенность «Охотного ряда» в предыдущей статье. См. в этом номере:

Филиппов А.Ф. Прикладная социология пространства. *Правило 3, Пример 5.*

³ За вычетом сравнительно небольшого участка улицы Моховой возле старых зданий МГУ.

⁴ Далее в тексте для обозначения торгового комплекса используется аббревиатура *ОР*.

явные или скрытые, действительные или вмененные, представляют собой только часть сложной конstellляции обстоятельств, породивших конструкцию места. Социальный смысл места нуждается в интерпретации. Можно было бы сказать, что место необходимо *прочитать*, но сразу приходится оговариваться. Пространство и место в пространстве — это не тексты в точном смысле слова. Говоря словами Анри Лефевра, пространство — «не текст, а текстура»⁵. Текстура социального пространства образована, с одной стороны, материальными артефактами, носителями объективированного смысла⁶, а с другой стороны — устойчивыми модусами поведения находящихся в нем людей и прочими повторяющимися конфигурациями социальных событий. Текстура всегда богаче текста и в принципе может быть носителем нескольких текстов как организованных внятных смысловых последовательностей, далеко не всегда консистентно сопряженных. Возможна и даже напрашивается не столько реконструкция единственного и единого текста, сколько представление фрагментов нескольких текстов, принадлежащих одной пространственной текстуре.

Текст, прочитываемый через текстуру, — не единственная цель исследования. Главной целью является изучение того, что представляет собой *реальный город*. Объективированные смысловые артефакты и актуальные события действий можно, конечно, представить как тексты⁷, но важно не упустить из вида, что реальное *проживание пространства* (если снова воспользоваться терминологией Лефевра) может иметь радикально невербальный характер. Тексту, иначе говоря, противостоит, с одной стороны, текстура как более богатая, чем текст, и несущая тексты объективность, а с другой стороны — актуальность социальных событий как более богатая, хотя и имеющая своим референтом тексты и текстуры полнота социальной действительности. Именно внимание к текстуре позволяет, таким образом, увидеть «реальный город»⁸, а не просто логику текста. В свою очередь, внимание к реальному городу позволяет заново поставить серьезные теоретические вопросы.

II

Начнем с общеизвестного.

До возведения «Охотного ряда» Манежная площадь была одним из самых больших, если не самым большим незаполненным пространством в центре европейской столицы. Название «Манежная площадь» — недавнее, оно появилось в 1931 г.⁹ Почти одновременно с названием, но не сразу, а постепенно возникает огромное незаполненное пространство, которого не было прежде. Чтобы появилась площадь, потребовалось снести много зданий, в том числе торговые ряды, от которых и произошло название «Охотный ряд». До опустошения место нынешней Манежной площади было, сколько можно судить по сохранившимся описаниям и изображениям, плотно застроено, но чем дальше, тем больше оно прореживалось.

⁵ См.: «Пространство содержит сообщение, но сводится ли оно к сообщению? Не включает ли оно в себе и нечто другое: другие, кроме дискурса, функции, формы, структуры? <...> Теория пространства описывает и анализирует *текстуры*. <...> Кто говорит "текстура", тот говорит "смысл". Но смысл для кого? Для какого-нибудь "читателя"? — Нет. Для того, кто в этом пространстве живет и действует, для "субъекта", наделенного телом, а иногда — и для "коллективного субъекта"» [6, р. 154-156].

⁶ О значении таких артефактов см. [8, р. 162, 183]. См. также [3, гл. 4, §3]. Верлен занимает позицию, во многих отношениях принципиально противоположную позиции Лефевра. Тем более важно, что в части выводов, имеющих прикладное значение, он сближается с ним: это сближение продиктовано логикой самого предмета.

⁷ Как это было предложено Полем Рикёром [2].

⁸ «Грубо говоря, — замечает Стив Пайль, — я считаю, что надо, размышляя о том, что же реально в городах, сильнее акцентировать формы эмоциональной работы, которые включает в себя городской опыт. <...> То есть то, что реально в городах, настолько же эмоциональное, насколько оно и физическое, столь же зримое, сколь и незримое, столь же ускоренное, сколь и покоящееся, столь же случайное, сколь и связанное» [7, р. 3]. Разумеется, любого рода реконструкции применительно к эмоциональному и скрытому более условны и сомнительны, менее конвенциональны, но обойтись без них социология городского пространства не может.

⁹ В 1967 г. Манежная была переименована в Площадь 50-летия Октября, в 1990 г. ей вернули прежнее имя.

Рисунок 1. Улица Охотный ряд в начале XX в. Фотография с сайта old.moskva.com¹⁰

Рисунок 2. Охотный ряд и Манежная площадь в середине 1930-х гг. Фотография с сайта oldmos.ru¹¹

¹⁰ Адрес фотографии: http://img1.msk.ru/p/orig/0/data/uf/26937/3/53/35348_sk_nunrmsi_p_-eep-muacnkez_h_y-2-.jpg. Дата обращения: 10.09.2009.

¹¹ Адрес фотографии: http://img1.msk.ru/p/orig/0/data/uf/26937/3/53/35348_sk_nunrmsi_p_-eep-muacnkez_h_y-2-.jpg. Дата обращения 10.09.2009.

Рисунок 3. Манежная площадь в 1960-е гг. Фотография с сайта oldmos.ru¹²

В советские годы площадь заполнялась людьми и военной техникой лишь на время парадов, выступая дополнительным ресурсом Красной площади¹³. Пространство пустоты расширялось и, так сказать, стерилизовалось, становясь все более свободным — от строений, от людей и машин. Судя по всему, это не было результатом реализации единого замысла. По меньшей мере, две основных задачи, решение которых привело к полной расчистке Манежной, не были прямо связаны между собой. Место будущей площади начали серьезно расчищать в связи со строительством метро, но часть жилых зданий сохранилась, их снесли позже, при возведении гостиницы «Москва».

В первые годы существования Российской Федерации Манежная площадь стала местом публичных акций, митингов и демонстраций, в том числе (и чем дальше, тем чаще) антиправительственных.

Рисунок 4. Манежная площадь в 1990 г.¹⁴

¹² Адрес фотографии: <http://oldmos.ru/photo/view/425>. Дата обращения 10.09.2009.

¹³ В этом отношении она может быть отчасти уподоблена широким московским проспектам, о которых недавно писал К. Асс: «Москва пересечена огромными проспектами, от которых у приезжего захватывает дух, откуда бы он ни прибыл. В городах не бывает таких шоссе — в десять, двенадцать, шестнадцать привольных русских полос. Их придумали в 30-е годы, и они были не для транспортных средств — машин было мало, граждане ездили общественным транспортом, а трассы должны были обеспечивать, как мечтал Луначарский, «...движение масс из пригородов к какому-то единому центру, где совершается какое-то центральное действие типа возвышенной символической церемонии». Фактически массы пользовались проспектами именно для символических действий, в остальное время эти пространства по большей части пустовали, являя собой обещание и возможность» [1].

¹⁴ Автор фотографии Дм.Борко. Адрес фотографии: http://dvizh.org/wp-content/uploads/2009/11/gorod_11_1990.jpg. Дата обращения 06.11.2009.

Устойчивая, широко принятая и некогда распространенная в массмедиа точка зрения на последующие события состояла в том, что возведение «Охотного ряда» было способом *уничтожения* Манежной как публичного места, т.е. политическим в первую очередь, а не экономическим, рассчитанным на грядущие прибыли предприятием. В настоящее время лейтмотивом публикаций о реконструкции Манежной и строительстве *ОР* является, напротив, указание на его экономическую эффективность.

Так или иначе, в начале 1990-х площадь перестала быть пустым пространством. Во время строительства подземных торговых рядов обнаружилось, что на глубине скрыты археологические сокровища, несколько культурных слоев могли быть потеряны и, судя по всему, действительно пострадали очень серьезно. Правильные раскопки не могли сочетаться с эффективным строительством, и в качестве своего рода компенсации неизбежного ущерба строящийся комплекс был объявлен также и местом демонстративного, педагогического почитания истории. Три подземных яруса были стилизованы под три разные эпохи истории Москвы и ее архитектуры. Опускаясь к более низким ярусам, посетитель, говорили пропагандисты стройки, должен будет словно бы погружаться в глубину веков¹⁵. Особое внимание было обращено на то, что археологическим находкам будет отведено подобающее место. «При строительстве центра учеными были проведены археологические раскопки. На втором подземном этаже с северо-восточной стороны запланирован музей площадью 400 м². Здесь мы сможем увидеть открытые археологами уголки древней Москвы и интересные находки», — говорил один из главных руководителей проекта архитектор Д.Л.Лукаев¹⁶. Прочитируем его еще раз. «Как же будет выглядеть Манежная площадь? Функционально она разделится на три зоны. В южной, наиболее узкой части — у Манежа — запланирована, условно говоря, «площадь искусств». Здесь предполагается выставлять скульптуры, устраивать под открытым небом разнообразные выставки. В середине площади, до самой Моховой улицы, разместится большая зона отдыха, как бы продолжение Александровского сада, с фонтаном, аллеями и лужайками. У гостиницы «Москва» архитекторы задумали оставить свободную от построек пешеходную зону от Тверской улицы до Кремля. Около недавно открытого памятника Г.К.Жукову, рядом с Историческим музеем, предполагается место общественных собраний <...> В северо-западной части площади будет вновь возведена уничтоженная в 1922 году часовня Александра Невского <...> Крыша комплекса будет одновременно большим сквером с фонтаном, фрагментами брусчатки, газонами, деревьями и кустарниками <...> Наземная часть комплекса, занимающая почти все пространство Манежной площади, должна подчеркнуть особую красоту окружающих ее памятников зодчества, их историческую ценность и архитектурную неповторимость».

III

Появлению *ОР*, таким образом, предшествовал некий замысел, и следы этого замысла можно обнаружить в публикациях, предшествовавших открытию комплекса или сопровождавших его. Известно, однако, что замысел уходит в более отдаленное время. Еще в 1990 г. существовал проект переустройства Площади 50-летия Октября знаменитого архитектора Б.Г.Ульякина. Относительно характера этого проекта есть разные свидетельства. Вот что написано в подборке материалов по

¹⁵ См. типичную публикацию с описанием только что открытого *ОР* в сохранившихся до сих пор электронных архивах интернет-рассылок строительного профиля: «9 сентября 1997 года ТК «Охотный ряд» был открыт для посетителей. В настоящий момент в здании действуют 120 предприятий торговли, из них — 18 ресторанов и кафе и 4 предприятия сферы услуг. Также в ТК расположено отделение банка и международные и междугородние телефоны. *Каждый из трех торговых уровней, выполняя свои функции, создает своеобразную историческую ретроспективу: верхний уровень — эпоха модерна, средний — классицизма, а нижний — русское средневековье.* На верхнем этаже, куда можно попасть прямо с Манежной площади, расположены такие бутики и магазины как Mango, «Риволи» и др.» (курсив мой. — **А.Ф.**) (Чичерова Л. Торговый андеграунд на Манежной площади // Стройка — как много в этом звуке. Выпуск 52 // <http://archives.maillist.ru/55898/200641.html#item3>). Критически о том же писал Г.Ревзин в «Коммерсанте»: «Все приземистые пространства украшены дизайном Церетели по программе "археологического разнообразия". Самый нижний уровень — XVII век, далее классицизм, верхний уровень — XX век в виде стиля модерн, наверху — космос голубых куполов <...> Вольные вариации на темы классики, древнерусских узоров или линий модерна поражают подзабытым привкусом дешевой пошлости эпохи кооперативов» // Коммерсантъ. №215 (1397) 11.12.1997.

¹⁶ Публикация в июльском номере за 1995 г. журнала «Наука и жизнь», посвященная подробному освещению проекта строительства. Цитируется по электронной версии: http://mos-nj.narod.ru/1990_nj9507/index.htm. Дата обращения 05.05.2009.

строительству *ОР*, цитированной нами выше: «При всей привлекательности, смелости замысла и оригинальности проект грандиозного 7-этажного подземного сооружения не имел еще хорошо продуманного бизнес-плана, расчета затрат по видам работ и анализа окупаемости входящих в комплекс сооружений в зависимости от их назначения. К его существенным недостаткам можно отнести и неоправданно большую глубину — 40 метров»¹⁷. Несколько иную версию излагает другой знаменитый архитектор — В.Кирпичев. Отвечая интервьюеру, указавшему на то, что сам он участвовал в проектировании комплекса, Кирпичев говорит: «Да, господа эксперты не рекомендовали жюри его (проект) даже рассматривать, сказав, что «это не для Москвы». А построили-то в результате наш проект! Это у нас было 7 уровней, тогда как Ульянов только переход подземный планировал, а французы — 3 уровня! И озеро мы придумали, и водопады. И мы же предлагали все это за гостиницу «Москва» развивать, и за Манеж — как сейчас и будет. Только испортили наш проект капитально. У нас наверху была большая поляна, как во всех мировых столицах, где можно было бы лежать и смотреть на Кремль»¹⁸.

Мы видим, что *ОР* по проекту, каким бы он в точности ни был и кому бы ни принадлежал, изначально выглядел иначе, чем тот, что в конце концов реализован. Оставим в стороне вопрос о количестве подземных этажей, хотя он представляет большую важность. Ведь семь этажей — это принципиально иные возможности, которые открываются только в большом пространстве, недаром архитекторы говорили и говорят о продолжении подземного строительства, а первые же критические отклики содержали также указание на то, что внутренние помещения *ОР* кажутся низкими, в них ощущается «подземелье». Возможно, конечно, что в сокращении количества этажей все-таки были свои технические и экономические резоны¹⁹. Однако другие изменения не менее любопытны. Прежде всего обратим внимание на «озеро», «водопады» и «большую поляну, где можно было бы лежать и смотреть на Кремль»²⁰. По-другому видел это Б.Г.Ульянин: «В первоначальном подземном Манеже предполагалось 240 тыс. кв. метров, а не 63 тыс., как сейчас. Это было восьмьюрусное ступенчатое сооружение глубиной почти 40 метров, его нижние этажи занимали автостоянки, треть — торговля, а на остальных размещались культурные центры, рестораны и кафе, подземный исторический город с археологическим музеем, детский театр, благотворительная столовая. И сама площадь тоже выглядела иначе: никаких торчащих куполов, кровля комплекса не выходила за уровень земли и должна была стать пешеходной зоной. Кстати, мы собирались сделать ее из особо прочного оптического стекла, уже заказанного на заводе в Гусь-Хрустальном. Оно пропускало бы свет на всю глубину сооружения, а ночью за счет искусственного освещения подземных метров подсвечивалась бы площадь»²¹.

Итак, вот что (не считая семиэтажной конструкции) *не состоялось*: подземный исторический город с археологическим музеем, детский театр, благотворительная столовая, кровля из стекла, которая должна была служить покрытием пешеходной зоны на Манежной (Ульянин); озеро, водопады, поляна для созерцания Кремля и башня с видом на Москву (Кирпичев); площадь искусств и выставочная площадка под открытым небом у Манежа, большая, от Александровского сада до Моховой, зона отдыха в центре площади, с фонтанами, аллеями и лужайками, а также восстановленная часовня Александра Невского (Лукаев)²².

¹⁷ http://mos-nj.narod.ru/1990/_nj9507/index.htm. Дата обращения 05.05.2009.

¹⁸ В интервью Н.Малинину, журнал «Штаб-квартира», 2004. №5. Фрагмент интервью воспроизведен на сайте «Другая Москва» (<http://www.drumsk.ru/arch/detail.php?ID=1993>). То же самое В.И.Кирпичев рассказал и участникам данного исследования (в интервью участвовали С.П.Баньковская, В.С.Вахштайн, А.Ф.Филиппов).

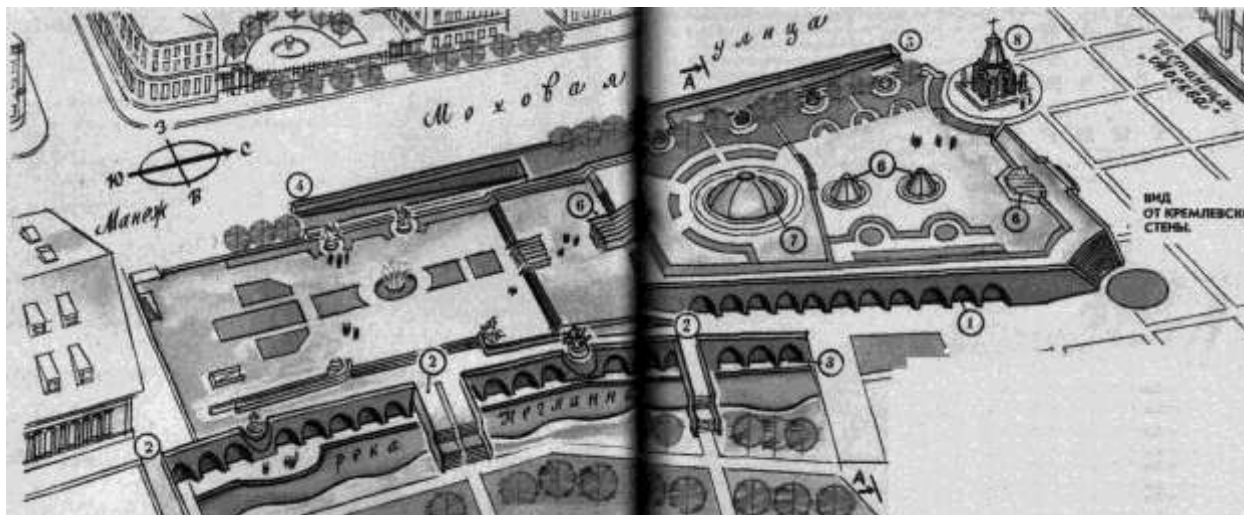
¹⁹ Известно, что каждый следующий подземный этаж обходится намного дороже предыдущего, а скорость окупаемости серьезно замедляется. Впрочем, фундаменты подземной конструкции под Манежной уже простроены на восемь уровней; это, собственно, и есть те запланированные семь этажей плюс технический этаж. Говоря о продолжении строительства, называют обычно горизонтальное расширение до Камергерского переулка и даже далее. См.: http://www.archi.ru/events/news/news_current_press.html?nid=1779. Дата обращения 10.09.2009.

²⁰ В интервью участникам исследования В.И.Кирпичев говорил также о башне со смотровой площадкой в надземной части, с которой открывался бы замечательный вид на Москву. Это могло быть местом сосредоточенного, чуть ли не уединенного (площадка не была рассчитана на одновременное присутствие многих людей) созерцания.

²¹ Интервью газете «Известия». Цит. по: http://www.archi.ru/events/news/news_current_press.html?nid=1779. Дата обращения 10.09.2009.

²² Впрочем, у Лукаева речь идет, возможно, о задуманной З.Церетели хрустальной часовне, копии той, что была снесена в 1922 г.

Рисунок 5. Проект реконструкции Манежной площади²³

Не получилось, судя по всему, и выделить каким-либо внятным образом место для публичных собраний, о котором говорит тот же Лукаев.

Рисунок 6. Манежная площадь в наши дни²⁴

Рассказы архитекторов, которые следовало бы анализировать куда более подробно, позволяют даже в кратком, сухом изложении обнаружить определенную *идею места*. Попробуем реконструировать ее, понимая, что всякая реконструкция такого рода имеет только ограниченную достоверность и что для большей достоверности нужен куда больший объем сведений.

²³ Фотография с сайта http://mos-nj.narod.ru/1990/_nj9507/index.htm. Дата обращения 05.05.2009. Следует обратить внимание не только на часовню и фонтан, но и на то, что надземная часть *ОР* практически примыкает к зданию Манежа, а обещанного сквера с аллеями от Александровского сада до Моховой уже нет.

²⁴ Фотография с сайта «Другая Москва». Автор — Юрий Шик. Адрес: <http://www.drumsk.ru/arch/detail.php?ID=1993#comment>. Дата обращения 17.09.2009.

Прежде всего в проектах, которые не были реализованы или были реализованы только отчасти, мы обнаруживаем внятную интенцию: *преобразование пустого*. Трансформация пустого в наполненное — не то же самое, что наполнение пустого, подобно тому, как образование пустого — это не освобождение места, а преобразование места. Манежной площади, как мы указывали выше, не было еще в начале XX в., никто не освобождал ее от построек. Она возникла в результате опустошения, разрушения жилых домов, торговых рядов, переулков, улиц, церковных зданий²⁵. Образовавшееся пространство было пригодно для заполнения лишь очень ограниченным набором способов, оно принципиально оставалось пустым и становилось с течением времени все более однородным.

Принципиальное значение пустоты в терминах нашей социологии пространства можно описать следующим образом. В пустом пространстве *невозможен кинестетический синтез перспектив*. Если мы сравним фотографии Манежной 1930-х и 1960-х гг. (рис. 2 и 3), то увидим, как происходило опустошение места. В середине 1930-х глазу еще есть за что зацепиться: по Охотному ряду проложены трамвайные пути, улица Манежная тоже открыта для транспорта, есть и фонарные столбы на самой площади. К середине 60-х вид ее уже совершенно другой. На пустом асфальтированном пространстве нет буквально ничего, кроме нескольких автомобилей и автобусов.

Кинестетический синтез перспектив осуществляет перемещающийся наблюдатель. На фотографии 30-х годов мы еще видим людей, на фотографии 60-х людей нет, это место несоразмерно человеку как телесному наблюдателю. Отдельному человеку там нечего делать, незачем находиться, некуда идти. Эта пустота может быть заполнена только массой — как в смысле чисто физическом, телесного пребывания множества людей, так и в смысле социальном, совершения массовых действий. Массовые скопления — это именно то, что было возможно на Манежной, и первые критические упреки после постройки *ОР* содержали, в частности, обвинение властям, уничтожившим место для массовых акций. Фактически это оказалось только отчасти справедливым. Политическая публика не собирается на Манежной так часто и в таких количествах, как собиралась до начала реконструкции. Однако 9 июня 2002 г. произошло событие, по-своему уникальное для этого места, но очень показательное. Толпа футбольных болельщиков после проигрыша сборной России в матче с японцами устроила погром в центре города с битьем витрин, поджогами машин и т.п. Погромы начались именно на Манежной, где можно было наблюдать за матчем на большом экране, установленном на здании гостиницы «Москва». Происходили на реконструированной Манежной и политические акции, хотя и немногочисленные. Так, 3 октября 2007 г. состоялся митинг молодежных организаций, поддерживающих «Единую Россию», 29 января 2009 г. — митинг в поддержку антикризисных мер правительства, 21 мая 2009 г. — митинг югоосетинской оппозиции. Несмотря на небольшое количество событий такого рода, можно видеть, что новая конструкция Манежной с течением времени уже не воспринимается как радикальное препятствие для концентрации людских масс, будь то готовая к погрому толпа или собрание политических активистов.

Это, в свою очередь, возвращает нас к образу пустоты, произвольно наполняемой человеческой деятельностью. Какое пространство мы назовем «пустым» в терминах предложенного нами подхода? Прежде всего *слабо текстурированное*, однородное. Здесь может происходить множество социальных событий, но все эти события примерно одного рода, они имеют смысловую связь с пространством лишь как с вместилищем. Материальные артефакты, его формирующие (не считая собственно материальных границ места), практически не дают никаких смысловых ориентиров для возможного поведения. Конечно, пространство нынешней Манежной не таково. Однако мы имеем возможность проследить за тем, как последовательно, вопреки декларированным замыслам уменьшается его текстурированность. В конце концов, для радикально политического действия уже нет разницы между совершенно пустым и слабо текстурированным пространством. Беспрепятственно разгоняясь в пустоте, людская масса уничтожает различие между ровной площадкой и местом, текстуру которого составляют функциональные, социально осмысленные артефакты, будь то газоны, скамейки или стеклянный купол *ОР*. Здесь характер материальных артефактов и характер действий не противоречат друг другу, а взаимодополняются.

В этой связи обратим внимание на то, насколько пусты бывают обширные части Манежной.

²⁵ Иногда можно встретить суждения примерно такого свойства: раньше, до всех реконструкций, дело тоже обстояло не лучшим образом, ведь Манежная была полностью застроена, скрыта от вида разнокалиберными постройками. Эта ошибка имеет принципиальный характер. Она свидетельствует о том, что пустой простор площади воспринимается как некая естественная данность. Площадь то застраивают, то освобождают, то снова застраивают. Но она остается все время равной самой себе, меняется только наполнение. Такой взгляд на место как место геометрическое, принципиально открытое любому действию, подчеркивает, насколько прочные корни имеет идея пустого пространства.

Рисунок 7. Место рядом с Манежем, предполагаемая «Площадь искусств»²⁶

На большом участке площади обычно *нечего делать*, она пустует, как пустовала до реконструкции. Но так обстоят дела не только здесь.

Рисунок 8. Центральный участок Манежной. Игра в сокс²⁷

Гипотетически можно сформулировать это следующим образом: там, где отсутствует минимальная текстура, отсутствует и поведенческая рутина, пустому соответствует ожидание радикального наполнения массой. Незначительной текстурированности соответствуют виды деятельности, оставляющие основную часть пространства пустым. Отчасти это подтверждают

²⁶ Фото автора, март 2007 г.

²⁷ Фотография сделана автором в мае 2007 г.

сделанные нами наблюдения. Разумеется, многое зависит от времени года и времени суток, Манежная бывает заполнена куда более плотно, чем это приходилось наблюдать нам. Однако в общем и целом она в той части, которая расположена над *ОР*, выглядит чаще мало заполненной. В чередовании пустого и заполненного есть много случайного и много такого, что определяется отнюдь не социальной конструкцией пространства. Однако одна зависимость буквально бросается в глаза.

Рисунок 9. Манежная площадь. Центральная часть²⁸

²⁸ Фотография сделана автором в мае 2007 г.

Рисунок 10. Манежная площадь. Центральная часть²⁹

Люди на площади размещаются в основном там, где есть элементы текстуры: газоны, фонари, скамейки, тумбы. Где ничего нет, они не склонны заполнять пустоту своей активностью, даже если эта активность нуждается в просторе. Материальные артефакты в большей близости от них не только задают возможности для кинестетического синтеза, но и создают более или менее размытую среду смысловых содержаний. На пустой поверхности кровли *ОР* можно прогуляться, остановиться для разговора, сыграть в сокс. Но основные занятия требуют мест прикрепления деятельности, сочетания активности действующего с осмысленностью артефакта. В отличие от внутренних помещений *ОР*, на поверхности простор не дает совершиться и принудительному кинестетическому синтезу, так что перемещения здесь связаны не с тем, что людской поток не позволяет остановиться, но с тем, что

²⁹ Фотография сделана автором в апреле 2007 г.

останавливаться просто незачем. Поэтому пустоты Манежной над *ОР* придают площади парадоксальный характер, вся логика просторного места противоречит той скудной текстуре, которую мы можем здесь обнаружить.

Внятная идея места, которую с большим или меньшим успехом стремились вложить в свои проекты архитекторы, была все-таки другой. Мы говорим сначала именно о единой идее, т.е. о том, что объединяет разные проекты. Итак, все проекты объединяет представление о Манежной как месте памяти, *мнемотопе*, если воспользоваться известной формулой Яна Ассмана. Ассман вводит понятие мнемотопа, утверждая, что «опространствование» есть изначальная среда и средство мнемотехники: приемов *удержания в памяти* [4, S. 59]. Есть места памяти, продолжает Ассман, а есть культура воспоминания, в которой средой и средством воспоминания может стать целый ландшафт. Мнемотоп, как определяет его Ассман, это ландшафт, который как таковой становится фигурой воспоминания, он не столько акцентирован знаками (памятниками), сколько *семиотизирован*, т.е. как целое возведен в ранг знака [4, S. 60]³⁰. Иначе говоря, не столько отдельные строения, открытые археологами или заново построенные в напоминание о прошлом, должны были стать местом памяти, но сама конструкция Манежной, которая позволяла устанавливать связь с заново изобретаемой традицией. Преобразование пространства из пустого в слабо текстурированное не решало как таковое этой задачи. Ландшафт Манежной как мнемотоп должен был прочитываться как культурный текст. «Была идея, — говорил Б.Г.Улькин, — обнажить, открыть найденный археологами Александра Векслера Воскресенский мост времен Ивана Грозного, вывести Неглинку на поверхность, «на чистую воду», так, чтобы вдоль зеленых берегов, запруд и мостиков можно было дойти до ее впадения в Москву-реку»³¹. Стремление воссоздать старый пешеходный маршрут с его ландшафтом, вывести на поверхность реку Неглинку³² и т.п. предполагало также определенный тип поведения в этом пространстве. Семиотизированный ландшафт передавал бы традицию и как мнемотоп имел бы педагогическую функцию. Мы, к сожалению, уже не можем судить о том, насколько хорошо была проработана Улькиным концепция Манежной. Исходя из его описания, там тоже было много простора, а все смысловые элементы, принуждавшие, по идее, совершать путешествие «в старинном стиле», с непременно созерцанием мистической Москвы в гармонии с природой³³, располагались на периферии Манежной. В проекте Кирпичева, как мы видели, одно из центральных мест занимает большая поляна. Это отнюдь не тот более или менее ровный тротуар, который есть сейчас. Поляна, лужайка *в центре города с видом на Кремль* — место, где можно поваляться, расположиться небольшими группами, предаться занятиям, достойным культурного европейца, будь то чтение, беседа или неторопливая прогулка. С таким представлением о пространстве сочетается представление о времени как времени *досуга*, причем досуга созерцательного. Отзвуки этой идеи мы находим и у Лукаева, который говорит о большой зоне отдыха в центре и «Площади искусств» на юге Манежной.

IV

Что означает акцентирование исторических памятников на Манежной, будь то запланированное или даже хотя бы отчасти состоявшееся? Кажется, мы имеем дело с достаточно любопытным феноменом. С одной стороны, соблазнительно было бы вслед за Ассманом сказать: «Речь идет о топографических «текстах» культурной памяти, местах памяти, «мнемотопах» [4, S. 60]. С другой стороны, городской ландшафт центра Москвы должен был выступить в роли мнемотопа парадоксальным образом. Часть памятников восстанавливалась или «обнажалась», к ним добавлялись никогда прежде не существовавшие элементы культурного ландшафта. В конечном счете в разной степени в разных проектах, более же всего — в окончательном виде — на Манежной восторжествовала пустота, не только не содержащая в себе элементов исторической текстуры, но и не располагающая к созерцанию сохранившегося в своей историко-культурной и материальной внятности Кремля. Если в проекты в той или иной мере вкладывалась идея мнемотопа, то результатом можно считать *гетеротопию*, область сочетания пространств с различающейся и даже противоположной логикой.

³⁰ Концепция Ассмана положена в основу исследований культурной идентичности Европы как мнемотопа, проводимых учеными Франкфуртского университета (ФРГ) [См.: 5].

³¹ Цитируется по интервью «Новой газете». 2002 г., №34 от 16 мая.

³² Ее имитация заменила первоначальные планы.

³³ В цитированном выше интервью Улькин говорил о том, что вдохновлялся «Мастером и Маргаритой» Булгакова как «образным ключом» к проекту и что Манежную он видел «хрустально-зеленой» по контрасту с таинственным, колдовским Кремлем.

Пустота и мнемотоп — не единственные составляющие гетеротопии *ОР*. Еще одной логикой, радикально противоречащей обоим названным, можно считать логику *места потребления*. Что место памяти было задумано, никто в наши дни, кажется, не отрицает, но никто и не акцентирует это обстоятельство. Большинство упоминаний *ОР* в прессе — это реклама торгового или торгово-развлекательного комплекса. Быть может, наиболее примечательным в совершившихся уже после открытия *ОР* изменениях является то, что коммерчески-развлекательная составляющая полностью вытеснила даже (незначительные по сравнению с замыслами) элементы мнемотопической педагогики в его интерьерах, которые можно было еще обнаружить в первые годы его существования. Более всего это заметно на нижнем этаже, некогда стилизованном под русские палаты, а в наши дни представляющем собой простое вместилище сетевых ресторанов и кафе. При всей очевидности произошедшего — то, что приносит наибольшую и скорейшую выгоду, победило чуждые коммерческому расчету принципы — социальное значение этих изменений нуждается в дополнительных усилиях интерпретатора.

Итак, все, что остается от мнемотопа, почти исключительно размещено вне комплекса, внутри уже нет мнемотопической текстуры, а это понуждает нас к переосмыслению того, что в первой части данной статьи мы назвали реальным городом. Тексты, которые мы вычитали из пространственного устройства Манежной площади, действительно представляют собой не более чем сведенные в последовательное единство смысловые элементы. Восстанавливая авторские намерения, обращаясь к прошлому, почти незаметному в настоящем, мы выстраиваем определенный нарратив, который, заметим, отнюдь не обязательно должен признаваться как значимый конструкторами пространства и теми, кто его проживает³⁴. Иначе говоря, мы не можем и не должны доказывать, будто каждый, кто приходит или приходил на Манежную, действует или действовал бы при определенных обстоятельствах в соответствии с педагогическим нарративом или под влиянием гетеротопической комбинации коммерции, мнемотопической педагогики и пустоты, воспринятой как инструктивный текст. Текстура пространства текстом такого рода не является. Соотношение действий и текстуры совершенно иное. Смысловые элементы текстуры оказываются для действующих некоторой не артикулированной областью значений, которую в терминах Рикёра мы решаемся назвать областью неостенсивных референций.

Это нуждается в дополнительном прояснении. Социальное измерение человеческого действия, согласно Рикёру, состоит в том, что «действие отделяется от актора и имеет собственные последствия» [2, с. 32]. Это важно в тех случаях, когда мы сталкиваемся с отдаленными последствиями действий, совершенных преднамеренно, но отнюдь не с намерением осуществить то, что впоследствии стало результатом. Так получилось с реконструкцией *ОР*. Момент авторской интенции имеет, конечно, определенное значение, в том числе и для того, чтобы усмотреть в настоящем его следы. Однако одной интенцией социальные смыслы, запечатленные в пространственных формах, не исчерпываются. Рикёр позволяет нам двинуться дальше. Если мы опишем некоторую элементарную социальную ситуацию как диалог, можно будет сказать, что референции диалога *остенсивны*, т.е. на составляющие ситуации, о которой ведется речь, можно буквально *указать*. Однако у человека есть не только ситуация, которую можно обозначить, вслед за феноменологами и философскими антропологами как *Umwelt*, окружающий мир. У него есть еще *Welt*, мир, фрагментом которого являются *Umwelt*-ситуации. Мир, говоря теперь уже в терминах скорее экзистенц-философских, есть *проект*, возникающий благодаря *неостенсивным референциям* [2, с. 28]. «Благодаря освобождению от ситуационного контекста дискурс может развивать неостенсивные референции, называемые нами «миром», в том смысле, в котором мы говорим о греческом «мире», имея в виду не космологическое значение данного слова, но онтологическое измерение» [2, с. 33]. Это позволяет нам взглянуть теперь уже не на следы действий, запечатленные в многосмысленной текстуре пространства, но на смысл совершаемых в этом пространстве действий с точки зрения их контекстуальности. В самом деле, если в объективированном смысле есть не более чем следы прежних намерений, то в актуальном действии есть смысл, выходящий за рамки простой референциальности. «Неостенсивные <...> референции представляют собой некий мир, раскрываемый глубинной семантикой текста» [2, с. 41]. Отсюда следует, что «смысл значимого события превышает, преодолевает, переступает пределы социальных условий его порождения и может быть воспроизведен в новых социальных контекстах» [2, с. 33].

Для нашего исследования отсюда проистекают в высшей степени инструктивные выводы. Приходя на Манежную, изучая повседневные события в *ОР*, мы обращаем свое внимание поначалу на то, что объективно составляет специфику данного места: его текстуру. Но смысл этой текстуры

³⁴ «Проживаемое пространство» — тоже термин Лefевра.

оказывается неоднозначным, сложным, и мы частично проясняем его через историю авторских намерений и — параллельно — оценок их воплощения в жизнь. Тем не менее подлинная жизнь, реальный город, каким он предстает в *ОР*, — это череда актуальных действий-в-ситуациях, коммуникаций и прочих социальных событий. Задан ли их актуальный смысл тем, что эти события происходят на Манежной и в *ОР*? На этот вопрос нельзя ответить однозначно — ни утвердительно, ни отрицательно. Смысл актуальных событий, конечно, связан и с актуальными интенциями, и с тем, что далеко выходит за их пределы. В самом точном виде ответ должен был бы выглядеть примерно так: текстура места несет в себе следы авторских интенций, исторической традиции, привычных, рутинизированных действий. Все это представляет собой сложное взаимное сочетание нескольких текстов. Актуальные события действий и коммуникаций, происходящие в этом месте, также совершаются в силу авторских интенций, при этом действующие и коммуницирующие, с одной стороны, так или иначе принимают в расчет прочитанные ими по-своему в текстуре пространства тексты, а с другой стороны — привносят дополнительные смыслы. Смыслы, идущие от участников коммуникаций, могут быть индивидуальными, хотя и типичными для определенного рода ситуаций (вроде желания отдохнуть, вызванного внезапно навалившейся усталостью, или желания именно в данный момент поправить шарф, или приглядеться к выставленному в витрине товару). Но смысл совершающихся событий определяется наблюдателем лишь отчасти в связи с очевидной или предполагаемой авторской интенцией. Для наблюдателя смысл действия — это, во-первых, смысл *типичного* действия, а во-вторых, смысл действия, совершаемого в текстурированном пространстве. Но для социологии пространства ни смыслы (тексты) текстуры, ни смыслы самих по себе действий значения не имеют. Важны именно типичные действия в осмысленной (авторами, ее создавшими, и действующими, ее застающими) текстуре данного пространства. Посидеть на скамейке или зайти в кафе, сыграть в сокс или взять деньги из банкомата, прокатиться на панорамном лифте или пройти вдоль витрин можно во множестве разных мест. Но только одно из них — *ОР* и Манежная площадь над ним — является тем местом актуальных событий действительного города, которые привлекли наше внимание. Текстуры этого места образуют для действующих область неостенсивных референций, точнее говоря, одну из областей. Все то, что совершается здесь, могло бы совершаться в другом месте, но совершается, однако, именно здесь и сейчас, в том самом «здесь», ставшем «сейчас» местом с уникальной историей и особым смыслом, не похожим на смыслы других мест ни объективно, ни субъективно.

Мы, однако, не в полной мере разберемся в важных характеристиках *ОР*, если, во-первых, не заглянем внутрь комплекса, а во-вторых, не сравним его устройство с некоторыми функционально подобными комплексами в других местах. Об этом речь пойдет во второй части статьи.

Литература

1. *Асс К.* Майские колонны // <http://www.openspace.ru/art/projects/86/details/9798/>
2. *Рикер П.* Модель текста: осмысленное действие как текст / Пер. А.В.Борисенковой // Социологическое обозрение, 2008. Т. 7. №1. С. 25-43.
3. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. — М.: Владимир Даль, 2008.
4. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. München: Beck, 2000.
5. *Gostmann P., Wagner G.* Europa als Mnemotop — Kulturtourismus und die Konstruktion europäischer Identität // Swiss Journal of Sociology. 2005. Vol. 31 (3). P. 583-606.
6. *Lefebvre H.* La production de l'espace. (1974) 4e éd. Paris: Anthropos, 2000.
7. *Pile S.* Real Cities. London etc.: SAGE, 2005.
8. *Werlen B.* Society, Action and Space. L., Routledge, 1995.